

Г. В. Шебалдина

ИВАН ЮРЬЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

На реверсе памятной медали, выпущенной по случаю смерти князя И. Ю. Трубецкого в 1750 г., написано по-латыни: «Советом и делом заслужил признательность Отечества». Столь высокая оценка заслуг князя справедливо предполагает наличие его подробного жизнеописания, из которого любому были бы понятны ее (оценки) критерии.

И вот тут читателя поджидает разочарование, что, вообще-то, нередко случается при знакомстве с историческими фигурами XVIII в., не говоря уже о более раннем времени. Разрозненные, с большими временными и событийными провалами сведения, зачастую недостаточно верифицируемые, кочуют из одного справочного издания в другое, а затем благополучно оседают на страницах не только беллетристических, научно-популярных, но порой и научных публикаций. Биография князя и, как часто пишут, «последнего боярина на Руси» Ивана Юрьевича Трубецкого – ярчайшее тому подтверждение. Если сказать кратко, то это скудные сведения о рождении и происхождении, о появлении рядом с Петром I в первые годы его правления, об участии, временами активном, в преобразовательной деятельности государя, что дало основание некоторым исследователям назвать Трубецкого «любимцем» и «верным соратником» молодого царя. С началом Северной войны генерал Трубецкой практически исчезает из поля зрения, что связано с пленением князя при осаде Нарвы и его пребыванием в шведском плену с 1700 по 1718 г. Но даже после возвращения на родину в результате долгожданного размена он по-прежнему не является политической фигурой первого, а временами и второго ряда. Есть некие событийные точки, когда о нем вдруг «вспоминают» источники, а за ними и сами исследователи. Например, его проимператорская позиция в период восшествия на престол Анны Иоанновны, успех в обществе и свадьба дочери Анастасии с князем Кантемиром. Ну и, конечно, пусть вскользь, но одно из самых устойчивых (на мой взгляд, ничем не подтвержденное), упоминание его связи в плену с одной из дам высшего шведского общества, из семьи «то ли Шпарре, то ли Вреде», в результате которой появился на свет известный деятель Просвещения Иван Иванович Бецкой.

В сложившейся ситуации мне представляется интересной попытка рассмотреть тот период жизни князя И. Ю. Трубецкого, который он провел в шведском плену, так как это позволит не только более полно визуализировать конкретную историческую личность, но и восстановить часть такого многопланового явления, как Северная война 1700–1721 гг.

Готовясь к войне со Швецией, Петр I в феврале 1700 г. поручил наместникам приграничных областей – ближнему боярину и воеводе князю И. Ю. Трубецкому и псковскому воеводе А. М. Головину – организовать систематический сбор сведений о состоянии приграничных крепостей неприятеля, как, впрочем, и любой другой информации о военных силах, передвижении и намерениях шведского короля. А уже 5 марта последовало распоряжение о приведении в готовность «новгородских дворян и детей боярских и копейщиков и гусар и рейтар и иных чинов служилых и иных чинов конных и пеших людей»¹. С началом войны, как известно, Петр отправился на театр боевых действий и приказал генералу Трубецкому (вместо опаздывавшего Я. В. Брюса) стать во главе двух пехотных солдатских полков, двух старых новгородских стрелецких полков, двух псковских стрелецких полков и дворян новгородского разряда. Группировка численностью 4130 человек прибыла к Нарве 9 сентября², переправилась через реку и занялась строительством укреплений и отловом языков. Итоговое размещение русских сил показывает, что полки Трубецкого находились на правом фланге вместе с полками генерал-майора И. И. Бутурлина. Исход осады Нарвы всем известен, так же как ее драматические последствия: потеря всей артиллерии и, главное, пленение основной части русского генералитета.

Далее события развивались таким образом. На следующий день после подписания аккорда (Трубецкой, как считали шведы, не участвовал в совете генералов, принявших решение о капитуляции) шведы собрали офицерский состав противника в доме нарвского коменданта, а к вечеру распределили всех по домам и квартирам, выделив для охраны, в частности генералов, а их было 10, по офицеру с двумя солдатами на каждого. О пребывании пленных в Нарве, а затем в Ревеле, куда их переправили после 13 декабря, известно немного, кроме того что им на помощь приходили местные купцы, как, например, Иоганн Лантинг, в доме у которого жили генералы Трубецкой и Головин и которого они позже благодарили и просили князя А. Д. Меншикова оказать ему за это милость и поддержку.

26 мая 1701 г. корабль «Стораген», на котором вместе с генералами Трубецким, Головиным и царевичем Александром Имеретинским было 25 человек, пришвартовался к пристани Стокгольма недалеко от королевского дворца. Пленных провели маршем по улицам шведской столицы и разместили в заранее подобранных помещениях, оплачивать которые должны были сами высокопоставленные пленники. Князя И. Ю. Трубецкого вместе с генералами Я. Ф. Долгоруким, А. М. Головиным и И. И. Бутурлиным определили в довольно просторный дом губернатора Х. Фалкенберга. Дом этот и до сего времени стоит на своем месте в южной части Рыцарской площади старого города. Там Иван Юрьевич провел первые два года своего пребывания в Стокгольме.

Разработанные по указанию короля правила содержания пленных были достаточно суровы. В частности, покидать места проживания им разрешалось только для походов в церковь под охраной и в баню, местным жителям нельзя было принимать их в своих домах, пленникам запрещалось видеться друг с другом, их переписка бралась под контроль властей, знатные узники должны были передвигаться в сопровождении офицера. В действительности эти ограничения продержались недолго. Уже в марте 1702 г. королевский ассессор Самуил Йоте, который ранее неоднократно бывал в России, говорил по-русски и некоторое время курировал высокопоставленных пленников, сообщал своему родственнику – арестованному в Москве шведскому резиденту Томасу Книперкроне,

что русские содержатся очень вольно и что он часто бывает у них в гостях. Так, в письме от 1 марта 1702 г. упоминал, что «...неделю назад был у Головина в гостях пили за здоровьем тезоименительство Федора Алексеевича (Головина. – Г. III.) всех добрых сердец а до того приняв то дерзновение пили за своих патентантов»³. Некоторые королевские советники выражали неудовольствие тем, что пленные генералы свободно ходят по городу, гуляют в королевском саду, а у себя в квартирах устраивают шумные праздники «с дудками», вином и женщинами⁴.

Но подобные послабления пленникам в истории Северной войны, скорее, исключение из правила, ставившего положение пленных военачальников в зависимость, как минимум, от двух обстоятельств. Первое: условия жизни в плену офицеров и генералов противоположной стороны, второе: соблюдение узниками режима плена. Уже в декабре 1702 г. в Королевский совет поступила коллективная жалоба от русских генералов на то, что, несмотря на неоднократно провозглашенное шведскими властями «честное» содержание в плену, в их квартирах в Стокгольме теснота и «смердящий воздух», а в последнее время не пускают даже в церковь⁵. Подобная ситуация, как оказалось, была обусловлена реакцией шведов на побег двух русских офицеров.

Возможно, именно это ухудшение содержания толкнуло генералов И. Ю. Трубецкого, И. И. Бутурлина и А. А. Вейде на побег 2 мая 1703 г., как оказалось, практически не подготовленный. Пленникам, в сущности, удалось только две вещи: во-первых, воспользоваться временем, когда большинство жителей, в том числе часть охранников, находились на воскресной службе, и, во-вторых, сделать проем в стене и уйти через него, не имея даже представления, куда двигаться дальше⁶. Следствием побега и поимки стало усугубление положения пленных: Трубецкого после унижительного допроса и демонстративного провоза по городу поместили, как писал резидент Хилков, «в Смиголь в котором доме сидят осужденные к смерти ради покаяния только его не ради таково случая посадили лишь бесчестия и в которой палате он сидит две двери и на ночь его в той палате с 2 людьми замыкают»⁷.

После настойчивых прошений князя Хилкова и угроз русских властей шведы, из опасения, что положение их пленных в России ухудшится, в начале июня перевели беглецов в помещение русского торгового двора. Генералы жаловались в Королевский совет на неудобства, в частности на то, что Трубецкому «со всеми его людьми» приходилось жить в одной комнате⁸. С июля их время от времени стали пускать на церковные службы, которые проводились «в старом доме генералов», где шведские власти ранее позволили организовать часовню.

С такими небольшими послаблениями режима пленные содержались до 1705 г., вплоть до того момента, когда из России пришли известия о высылке Книперкроны и шведских офицеров из Москвы. В ответ король Карл XII приказал выслать всех русских, кроме князя Я. Ф. Долгорукого, из Стокгольма. И. Ю. Трубецкой был отправлен в Оребру, где ему предоставили «темное и сырое» помещение в королевском замке, но разрешили гулять на свежем воздухе.

Выживание в плену во многом зависело от поступления денег. Надеяться можно было на переводы жалаванья и на помощь родственников. И то и другое приходило нерегулярно и уж точно в недостаточном количестве. Спасали высокопоставленных пленников многочисленные кредиты, которые они брали с самых первых месяцев нахождения в плену. У каждого был внушительный список кредиторов из нескольких десятков

человек. Из переписки Трубецкого с женой, Ириной (Ариной) Григорьевной, становится ясно, насколько острым был вопрос нехватки денег. В письмах 1709 г. княгиня в отчаянии сообщала мужу, что вынуждена была заложить Гребнево (имение, которое дали за ней в приданное). «И ты умиласердися над нами, чтоб нам по миру не скитатца, а то уже истинно что наги ходим. Которая твоя братия есть в полану, и они час от часу убавливают расходы, а у тебя от часу расход становится больше... У каво нет детей, и те милуют свой дом, прочат впред, чтоб было к чему приехать...» – писала Ирина Григорьевна 1 июля 1709 г.⁹ И все же к концу плена за Трубецким числилась задолженность почти в 20 000 ефимков.

Единственным законным способом «выйти из плена» был обмен. И в этом вопросе, как известно, ситуация складывалась неудачно для русских генералов. Король Карл и слышать не хотел об их освобождении, и только после Полтавы, оказавшись под сильнейшим давлением аристократии, стал рассматривать варианты. Пожалуй, первой по-настоящему реальной возможностью для Трубецкого стал проект обмена его и царевича Александра Имеретинского на графа Карла Пипера осенью 1710 г. С них взяли пароль, что они не предпримут попыток сбежать, а будут «честно» дожидаться размена «в финской земле». Но все пошло не так, как планировалось. Пока шли затянувшиеся из-за несогласованных действий сторон переговоры, царевич Александр скончался в Умео 2 февраля 1711 г., а в начале июня того же года состоялся неожиданно удачный побег князя Якова Долгорукого с группой из 44 человек.

15 августа 1711 г. Трубецкого вернули в Стокгольм, и спустя некоторое время для князя Ивана Юрьевича начался новый период, связанный с приездом его семьи. Еще в феврале Петр I подписал паспорт «на проезд в Свею» жене генерал-майора Трубецкого, а также женам генерал-майора Головина и полковника Гулица. Княгиню Ирину Григорьевну с домочадцами сопровождал плененный под Полтавой квартирмейстер Карл Густав Шпарре, которого отпустили с паролем, что он найдет себе размен либо вернется в Россию через шесть месяцев¹⁰. Такому нечастому в истории плена Северной войны событию в немалой степени способствовал ряд обстоятельств. Отец Карла Густава, барон Я. К. Шпарре, к этому времени уже потерял на войне двух старших сыновей из четырех, младшие же (20 и 18 лет) оказались в русском плену. С другой стороны, Трубецкие, пытаясь хоть как-то контролировать ситуацию, разместили у себя в доме в Москве младшего Шпарре и проявляли к нему всяческое радушие. Подобные сюжеты, несмотря на их немногочисленность, хорошо показывают, что инициатива обменов порой исходила от частных лиц, а также то, что у представителей элит неплохо получалось договариваться друг с другом.

После знакомства с источниками складывается впечатление, что княгиня Ирина Григорьевна была незаурядной личностью, во всяком случае, обладала большой решительностью, характерной скорее для мужчины, чем для женщины высокого происхождения, о чем говорит уже ее решение отправиться в Швецию с двумя дочерьми. Ее поведение в плену также заслуживает особого внимания. Прежде всего, она приняла рожденного вне брака ребенка ее мужа. Д. А. Ватейшвили в своей работе приводит отрывок из «аннотаций» переписки генерала Трубецкого с женой за 1702 г., в котором Ирина Григорьевна «предоставляет пока ему право проводить время с кем захочет»¹¹. Была ли написана эта фраза (я ее пока не обнаружила. – Г. Ш.) или нет, имело ли для князя это «разрешение» какое то значение, неизвестно, но факт остается фактом:

в начале февраля 1704 г. у него родился сын, которому дали имя Иван и которого он оставил при себе. Последнее решение весьма примечательно, так как, на мой взгляд, подрывает достоверность общезвестного мнения, что мать ребенка была знатная шведская графиня. Сомнительным кажется предположение, что младенца вот так просто отдали пусть князю, но находящемуся в плену с очень неясными перспективами. Вероятнее всего, мать была местная женщина из числа тех, кто работал в домах у состоятельных пленных. Но больше всего впечатляет, с какой самоотверженностью княгиня защищает интересы мужа и семьи. И такие примеры встречаются довольно часто.

В период повторной высылки русских из шведской столицы в мае-июне 1713 г. князь Трубецкого вместе с небольшой группой офицеров оставили в Стокгольме. Царь поручил ему заниматься контролем за содержанием пленных, но главное, – за распределением денежных средств между ними. И если с передачей информации на родину он справлялся (например, прятал письма в каблуках отпущенных пленников), то к составлению финансовых отчетов он не проявлял должного рвения. Это не могло не вызвать раздражения, и в 1717 г. из Петербурга пришло распоряжение, «[...] чтобы он в Канцелярию прислал сведения о пленных и расходные книги [...] А если он это не сделает то передача жалования ему будет удержана»¹². И выяснилось, что поначалу князь вообще не вел никаких записей, но он твердо пообещал впредь отправлять отчеты каждые шесть месяцев.

Очевидно, что гораздо лучше у него получалось вести переписку с членами Королевского совета и шведским королем. В этот период он часто бывал в домах политиков и аристократии, где поддерживал старые и заводил новые знакомства. Особое внимание он обращал на разговоры «о склонности к миру» (а может, и сам инициировал их). В сентябре 1714 г. он написал царю, что сначала в доме сенатора Кронхельма, а затем на аудиенции у кронпринцессы с ним говорили о возможности заключения мира и спрашивали, есть ли у него полномочия на такие переговоры¹³. Складывается впечатление, что семья Трубецких в это время вела активную светскую жизнь. Ф. В. Берхгольц в 1721 г. вспоминал, что он встречал очаровательную дочь князя Анастасию на свадьбе «нынешней королевы»¹⁴. А свадьба Ульрики-Элеоноры, как известно, состоялась в марте 1715 г.

С таким трудом достигнутое равновесие было не долгим: грянула очередная гроза. В письмах Трубецкого в этот период повторяется настойчивая просьба писать всё «бледными чернилами» и соблюдать тайну, что позволяет нам признать тот факт, что генерал нарушал правила и передавал разного рода недозволенную информацию русским властям. И как только в Швецию пришли сведения, что министр Пипер и прочие офицеры были отправлены из крупных российских городов в очередную ссылку, шведы обвинили Трубецкого в подрывной деятельности и посадили в тюрьму. Из письма княгини Трубецкой кронпринцессе нам известно, что его почти четыре недели держали в тюрьме, где он «...от нестерпимой вони заболел и напал на него кашель»¹⁵. Вскоре все семейство Трубецких со слугами и большим багажом было выслано в Йёнчёпинг, а уже 23 января 1716 г. последовал приказ о переводе их на остров Висингсё. Там им выделили целый этаж в южном крыле замка, что было исключением, подобного которому не удаивались не только рядовые – русские, поляки, голландцы, англичане, но и товарищи Трубецкого – генерал Головин и резидент Хилков.

Массовая гибель пленных в Висингсборгском замке – одна из самых драматичных страниц Северной войны. Халатность и нерасторопность местных властей, не обеспечивших

своевременного поступления продовольствия, привели к тому, что многие пленные умерли от болезней и голода. После смерти в ноябре 1716 г. князя А. Я. Хилкова, не вынесшего очередного испытания, Трубецкой принял на себя функции главы русских пленных на острове, что подтверждается его перепиской со шведскими и русскими властями.

В августе 1718 г. произошло событие, которого ждали с таким нетерпением: была достигнута договоренность о проведении обмена генералов Трубецкого и Головина на фельдмаршала К. Г. Реншельда. 6 сентября в Санкт-Петербурге Петр I подписал реверс, по которому отпускал на размен шведского фельдмаршала и гарантировал, что генералы Трубецкой и Головин не будут принимать участие в военных действиях против Швеции¹⁶. 18 октября 1718 г. М. М. Голицын сообщил канцлеру Г. И. Головкину, что размен произошел, и уже через два дня на двух галерах пленники «выехали с Аланда в Санкт Петербург с домочадцами и с телом резидента Хилкова»¹⁷. В столицу они прибыли 25 октября 1718 г.

Интересно, что курировавший обмен полномочный министр на Аландском конгрессе А. И. Остерман жаловался канцлеру Головкину на некое «несогласие» с князем Трубецким, тормозящее отправку пленников на родину. Речь, судя по всему, шла о желании князя получить гарантии выполнения нескольких его просьб. В частности, он просил не забывать оставшихся в плену русских, среди которых были его соратники и слуги. Кроме того, его очень волновала судьба личного имущества, переданного в свое время на хранение толмачу Поликарпу Герасимову в Стокгольме¹⁸. А тщательно составленный князем (или его женой) перечень имущества заслуживает отдельного внимания. В распоряжении семьи Трубецких было: несколько кроватей и столовых гарнитуров, парадная и повседневная посуда, карета и лошадиная упряжь, украшенная позолоченными вставками, а также «лютня черепаховая с футляром, лютня другая с футляром, китар с футляром» и еще много всего. Это было то, что они не смогли взять с собой при отъезде в Йёнчёпинг, так как власти не дали им 30 подвод, как они просили.

Вот так заканчивается история плена князя И. Ю. Трубецкого. Впереди его ждала еще долгая жизнь, карьерные назначения (иногда вызывавшие недоумение современников), ордена, почет и слава. Но и то, что было до возвращения в Россию, показывает нам, что князь был не столь однозначной фигурой, как может представляться. Чего стоит только известный портрет князя Трубецкого, хранящийся в Третьяковской галерее. Не вступая сейчас в дискуссию по поводу авторства картины, стоит обратить внимание на изображение. Русский боярин, князь, генерал-майор И. Ю. Трубецкой запечатлен в шведском желто-синем офицерском камзоле! До нас дошли портреты пленных русских генералов и резидента, написанные разными шведскими художниками, но никто из них не одет в форму противника. Какие обстоятельства подтолкнули князя к выбору такой одежды – вопрос, на который можно предложить разные версии ответа, но все они дают нам возможность воссоздать историческую личность более многогранную, чем это кажется на первый взгляд.

¹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. 1700 г. Л. 20–21.

² Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4. Ч. 1. С. 13.

³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. 1702 г. Л. 1 об. – 2.

⁴ *Almquist H. Ryska fångar i Sverige och svenska i Ryssland, 1700–1709. 2 : Ryssarna i Sverige // Karolinska förbundets årsbok (KFÅ). Lund, 1943. S. 106.*

- ⁵ Riksarkivet Sverige. M. 1521. Handlingar rörände ryska fångar. Папка о разных генералах.
- ⁶ Подробное описание этого побега я уже приводила в работе, посвященной А. А. Вейде: *Шебалдина Г. В.* «Московский иноземец» Адам Вейде // ТГЭ. [Г.] 101 : Петровское время в лицах – 2019 : материалы науч. конф. СПб., 2019. С. 350–358.
- ⁷ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. 1701 г. Л. 9.
- ⁸ Riksarkivet Sverige. M. 1522 Handlingar rörände ryska fångar. № 12. Мемориал Королевскому Совету от 29.08.1703.
- ⁹ *Козлов С. А.* Русские пленные Великой Северной войны, 1700–1721. СПб., 2011. С. 265.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. 1711 г. Л. 7.
- ¹¹ *Ватейшвили Д. А.* Грузия и европейские страны : очерки истории взаимоотношений, XIII–XIX века. М., 2003. Т. 2 : Побратим Петра Великого : жизнь и деятельность Александра Багратиони. С. 301.
- ¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 46. Л. 75–75 об.
- ¹³ Там же. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 21. 1714 г. Л. 451–453.
- ¹⁴ *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725 // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 167.
- ¹⁵ Riksarkivet Sverige M. 1521. Handlingar rörände ryska fångar. Письма от разных лиц.
- ¹⁶ Меншиков в письме Петру от 1720 г. сообщал, что, несмотря на военное назначение, Трубецкой отказался принять участие в боевых действиях, сославшись на обещание не воевать против Швеции (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 40. Л. 117–177 об.).
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 140. Л. 12–12 об.
- ¹⁸ Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. 1718 г. Л. 21–22.